

Мария Зарская

**Битую чашку —
из жизни вон!**

Мария Барская

Битую чашку – из жизни вон!

«Антон Иванов, Анна Устинова»

2010

Барская М.

Битую чашку – из жизни вон! / М. Барская — «Антон Иванов, Анна Устинова», 2010

Разрыв с Романом после пяти лет совместной жизни произошел для Юльки неожиданно. Никак не могла поверить успешная яркая девушка, что ее бросили! Она грезилась, что разбитую чашку еще можно склеить! Битую посуду – из жизни вон! Ведь как бы крепко ни посадили на клей осколки, трещина все равно видна. А вот бразильцы говорят, что битая посуда дольше служит. И подруга, оценивая нового Юлиного мужчину, отдала голос в пользу предыдущего... Какой выбор сделать девушке?

© Барская М., 2010

© Антон Иванов, Анна Устинова, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мария Барская

Битую чашку – из жизни вон!

Глава 1

Я осталась у разбитого корыта. Корыто, правда, вполне качественное, из разряда элитной техники. Стиральная машина «Миель», напичканная умной электроникой, которая даже режим стирки выбирала самостоятельно, мне не доверяла. И работала вполне нормально. А вот жизнь моя сломалась, разбилась вдребезги и разлетелась на кусочки.

Отъезд Романа стал последней каплей, которая переполнила чашу наших проблем. Пятилетний «роман с Романом» закончился. Даже последнего разговора между нами не было. Он просто собрал вещи и отбыл, оставив на столе связку ключей и записку отнюдь не сентиментального содержания: «Квартиру оплатил на год вперед, живи спокойно». Прощай, так сказать, дорогая, и не поминай лихом.

Тупо глядя на записку, я ничего не могла понять. Мне-то казалось, что смогу его уговорить. И вообще как-то не думала, что отъезд произойдет так скоро. Видимо, он поставил меня в известность, когда уже все было решено. А я-то, наивная, полагала, будто он со мной советуется.

А может, он еще не уехал, просто ушел от меня, но по-прежнему где-то в Москве? Устроился у кого-нибудь из друзей. В таком случае я должна немедленно его найти. Кровь с шумом билась в висках. Ну не мог ведь он просто так, не сказав даже последнего «прости», выкинуть из жизни целых пять лет! Не верю!

Чем дольше я смотрела на записку, тем настойчивее убеждала себя, что он действительно не уехал, а просто скрывается, боясь поддаться на мои уговоры и доводы против его поездки. Если так, может, чары мои еще сильны и не все еще потеряно?

Я схватила телефон, однако палец мой замер на первой же кнопке. Всю жизнь презирала теток, которые разыскивают бросивших их возлюбленных или мужей по друзьям и знакомым! И вот сама чуть было в такую не превратилась. Это же так унижительно! Все станут жалеть меня и одновременно презирать!.. Отвратительное сочетание. Я живо представила, как Ирка, жена лучшего Роминого друга Славика, вздыхая, рассказывает вечером своему благоверному: «Представляешь, сегодня Юлька звонила. Федоровский ее бросил. Жалко ее, ужас. Она так хочет его вернуть, ищет. Ох, бедная!»

От одной этой мысли меня передернуло. Да и без толку эти обзвоны. Если Роман решил от меня скрыться, друзья его поддержат: мужская солидарность. Тем более у него куча знакомых, в том числе и неженатых. То есть, с одной стороны, есть где остановиться, а с другой – никакого риска, что их половины проявят женскую солидарность и выдадут его мне. Не стану унижаться!

Но ведь если он уедет, то надолго, а для меня, наверное, навсегда. Поговорить с ним сейчас – действительно мой последний шанс. Я снова схватилась за телефон и даже набрала Иркин номер. Однако, едва услышав ее голос, положила трубку. Язык не повернулся начать расспросы...

С Романом мы познакомились шесть лет назад на вручении премии «Творец года». Я это мероприятие освещала от своей газеты, выступавшей в качестве информационного спонсора, а фирма Романа по производству соков (не его собственная, конечно, он в ней работал) была одним из основных спонсоров торжественной церемонии. Меня лично в тот момент больше интересовали творцы, у которых я должна была успеть взять хотя бы короткие интервью, причем до начала банкета. Потому что после одни к интервью уже не расположены, а прочие,

наоборот, чересчур расположены и жаждут продолжения банкета, желательно у меня дома. Культурные события я к тому времени освещала уже несколько лет и успела хорошо изучить повадки «деятелей искусств». Вот почему, не жалея сил, отлавливала довольных, но еще не успевших устать лауреатов.

Сначала мужчины. С женщинами время терпело – на них банкеты так сильно не действуют. (За исключением, правда, одной скульпторши: уж очень она женским полом интересуется; поэтому с ней я отработала в первую очередь, и она, к счастью, на меня не клюнула. Ей больше пришлось по сердцу юная корреспондентка из «Домового». Девушка, по-моему, ничего не понимала. Что ж, ей же хуже!)

Романа, напротив, заинтересовала именно я, и он приложил все усилия, чтобы со мной познакомиться. Смею заверить, это было не так уж просто. Я металась от лауреата к лауреату, и больше меня никто и ничто не волновало.

Только набрав достаточно материала, я позволила себе расслабиться. Тут и банкет подошел. Каково же было мое удивление, когда рядом с собой я обнаружила Романа, что-то с увлечением мне рассказывающего. «Черт, как же тебя зовут?» – делая вид, будто внимательно его слушаю, судорожно пыталась сообразить я.

Обычно, попав в такую конфузную ситуацию, я попросту ретируюсь. Но мужик мне понравился. Вполне в моем вкусе – высокий, статный блондин, не тип Иванушки-дурачка с курносим носом, а вполне такой европейский. Нет, мне совсем не хотелось отказываться от знакомства. Только вот кто он? Может, из молодых соискателей? Однако на отечественного деятеля культуры или искусства он как-то не походил.

И взгляд не тот, и повадки другие. Значит, из спонсоров? Или просто приглашенный? У меня в голове совершенно не зафиксировался момент нашего знакомства. В то же время нас явно кто-то представлял друг другу, потому что он то и дело фамильярно называл меня Юленькой.

Рассеянно кивая головой, я украдкой оглядывалась вокруг. Вдруг у нас общие знакомые найдутся? Тогда можно, уловив подходящий момент, ненавязчиво выяснить, как зовут этого обладателя столь обезоруживающей улыбки. Однако все, кого я здесь знала, кивали только мне, усиленно налегая при этом на выпивку и закуску.

– Юля, вы устали? – заботливо осведомился мой новый знакомый незнакомец.

Я неопределенно пожала плечами.

– Может, сбежим отсюда? Им, – он обвел взглядом порядком опустевший стол, – по-моему, и без нас хорошо. А мы где-нибудь в тихом уютном месте посидели бы, поговорили...

По сути, я ничего не имела против. Кроме одного: сомневалась, что даже в тихом уютном месте мне будет уютно с человеком, имени которого не знаю. Неужели мне его так никто и не подскажет?

– Не возражаю, но если только чуть-чуть попозже. – Мне пришлось пуститься на уловку. – У меня тут еще остались кое-какие дела.

Я вновь начала озираясь, по-прежнему лелея надежду на помощь извне. Знакомый незнакомец забеспокоился:

– Кого-то ждете?

Своим вопросом он подсказал мне план действий. Скажу, будто вынуждена ненадолго его покинуть, так как должна найти человека, который мне срочно требуется по делу. А сама пройду, поспрашиваю людей. Кто-то ведь тут должен его знать.

– Если вы немного подождете, я быстренько отыщу нужного человека, коротенько переговорю с ним, а потом мы с вами сможем удалиться, – наконец озвучила я свою невинную ложь.

– Без проблем, – улыбнулся он. – Буду вас здесь ждать до победного конца.

Его ответ мне понравился: если собирается ждать до победного, выходит, я ему приглянулась. А он еще и добавил:

– Только не обманывайте. А то знаете, какой я обидчивый!

– А я девушка честная и с детства говорю только правду!

Медленно шествуя по обширному банкетному залу и скользя взглядом по успевшей изрядно захмелеть публике, я размышляла: «Странная все-таки у мужиков логика. Если бы в мои планы входило его продинамить, какое мне было бы дело до его обидчивости? Да обижайся себе на здоровье!» Впрочем, поскольку динамить его я не собиралась, передо мной продолжала маячить так и не разрешенная проблема. Как же его, черт возьми, зовут?

Несколько коллег-журналистов из других печатных органов, попавшиеся мне на пути, знать его не знали. Однако женский пол единодушно признавал, что «мужик фактурный и симпатичный». Спасибо им, конечно, но это я и сама видела.

Существовал, правда, старый проверенный способ: попросить кого-нибудь из присутствовавших здесь приятельниц подойти к нему и познакомиться. Однако тут был и большой риск. Что, если она потом отойти не захочет? Нет уж, спасибо. Я своего счастья столь глупым образом упускать не собиралась. И вместо особы женского пола нашла знакомого фотографа. Про него, правда, ходили упорные слухи насчет нетрадиционных сексуальных склонностей, но это меня не пугало. Если даже, предположим, фотограф Сева упадет на моего знакомого незнакомца и он ответит ему взаимностью, значит, мне там делать нечего. И сколь ни будет мне обидно, ясность в подобных случаях предпочтительнее неизвестности. К тому же я была практически уверена, что тот, чье имя мне приходилось выяснять с такими хитростями, сексуально ориентирован исключительно традиционно.

Сева с ходу начал расспрашивать меня о жизни и вообще, куда я пропала.

– Некогда, – оборвала я его. – А если ты мне друг, выполни мелкую просьбу.

– Ну, конечно, я тебе друг, – просюсюкал он. – Ты, Юлька, разве когда-нибудь сомневалась?

– Не сомневалась, – заверила я, но сказала не совсем правду: этот чертов Севка один раз меня крупно подставил. Но, во-первых, как говорится, дело прошлое, я из той газеты все равно уволилась, а во-вторых, он сейчас мне был позарез нужен. Как известно, когда хочешь попросить человека об одолжении, не время сводить с ним старые счета.

– Просьбу? – Сева заинтересовался и одновременно забеспокоился.

Заинтересовался, потому что я еще ни разу ни о чем его не просила, а забеспокоился – тоже ясно почему, и на всякий случай бросил:

– Весь, конечно, к твоим услугам, только ненадолго. Войди в положение, старуха, еще кучу людей нужно снять.

– А одного лишнего можешь? – вкрадчиво осведомилась я.

– Для тебя без проблем, – напряжение на его лице уступило место безмятежной улыбке. – Показывай, кого.

– Погоди. Это еще не все. Ты должен точно выяснить, как его зовут.

– Понятно, старуха, ранний склероз, – с циничным видом констатировал Сева. – Ладно. Помогу.

И он метнул масляный взор в сторону моего незнакомца. Впрочем, наверное, он просто посмотрел, а остальное мне показалось.

– И кто он такой, тоже на всякий случай узнай, – прошептала я уже в Севкину спину.

А он, не оборачиваясь, бросил:

– Мешаете работать, гражданка.

Сволочь, почувствовал свою силу, вот и хамит. Теперь главное его выловить. А то еще снимет и куда-нибудь исчезнет. А мне потом зальет мозги, что искал меня, но не нашел. С этого типа станется.

Издали я видела, что он быстро прибыл к пункту назначения, однако там и застрял. Я изнывала от нетерпения и неизвестности. Что он возится? Подумаешь, имя человека узнать. Делов – на две минуты. Неужто действительно клеится к моему незнакомцу? Убью заразу!

Я нервно поглядывала на часы. Проклятый Севка там как прилип. А еще имел наглость врать, будто у него времени мало! Тут меня посетила ужасная мысль. Что, если моему незнакомцу надоест ждать и он уйдет? К тому же он может испугаться Севиной настырности. Ведь если я права и мой незнакомец нормальный мужик, кому такое понравится? Нет, я Севке точно как-нибудь отомщу. Мало ему своих знакомых, так на моего позарился! Его разве об этом просили? Ну, люди! Хватают все, что плохо лежит!

Сложность моего положения усугубляло и другое. Боясь упустить Севу, я продолжала бессмысленно толочься на том же месте, где мы с ним расстались. Многими лауреатами и соискателями премии это было расценено превратно. Я успела получить приглашение от одного живописца, который загорелся прямо сегодня писать с меня Афродиту, выходящую из морской пены. В переводе на язык нормальных людей мне предлагали совместное купание в джакузи и с большим количеством шампанского.

Художника я отшила, но тут же подкатил режиссер. Его предложение оказалось более мирным и, на мой взгляд, для постановщика авангардных спектаклей чересчур простецким. Он звал меня продолжить остаток «этого восхитительного вечера» в сауне. Кажется, наши «Творцы года» давно не мылись. Видать, слишком много занимались искусством. И вот теперь решили немного расслабиться, а заодно и помыться. С режиссером я справилась быстро, сославшись на больное сердце. Авангардиста тут же смыло – даже сауны не потребовалось.

Зато подошел один писатель – из породы «широко известных в узких кругах». Этот, похоже, успел помыться перед церемонией, да и премией его обошли, и он был по-прежнему озабочен только искусством.

– Мадм-зель, – пылко, но не очень твердо проговорил он. – Предлагаю вам стать первой слушательницей первой главы моего нового романа.

– Прямо здесь и сейчас?

– Разумеется, нет, – сказал он и икнул. – У меня дома.

– Ой, не могу, меня мама ждет, – жалобно отозвалась я. И тут, к счастью, наконец появился Сева.

– За смертью тебя посылать, – прошипела я. – Узнал?

Он многозначительно кивнул.

– Только с тебя причитается.

– Свои люди, сочтемся, – отмахнулась я. – Говори скорее!

Краем глаза я наблюдала за незнакомцем. Он, кажется, уже начал нервничать, а мне после столь тяжких испытаний вовсе не хотелось, чтобы он, отчаявшись меня дождаться, ушел.

– Скажу, но не сразу, – уперся Сева. – Сперва помиришь меня с Самолетовым. Я знаю, он к тебе после твоего интервью хорошо относится, а меня на дух не переваривает.

– Ладно, ладно. – Я была на все согласна. – Хоть завтра. Сегодня его тут все равно уже нет, он ушел.

Сева расстроился:

– Точно ушел?

– Сама видела, – пылко соврала я: Самолетов не далее как три минуты назад с сальной улыбкой продефилировал мимо меня под руку с какой-то девицей.

– Тогда завтра обязательно.

– Конечно, – опять заверила я, а про себя подумала: «Держи карман шире! Стану я тебя с ним мирить! Самоубийство – не моя стихия. Не надо было публиковать фотографию Самолетова в таком гнусном виде, да еще в обществе несовершеннолетней наркоманки». Тогда такой

скандал разгорелся! Самолетов ведь всегда был большим любителем поговорить в печати о высокой духовности и о падении современных нравов.

– Ладно, ловлю на слове, – к счастью, Севка не почувствовал подвоха. – Твоего зовут Роман Федоровский. Он вроде как из спонсоров.

– Спасибо, родной!

И, послав Севе воздушный поцелуй, я устремила к теперь уже бывшему незнакомцу.

– Роман, – наконец-то смогла я назвать его по имени. – Извините, ради бога. Думала быстренько обернуться, но вот, видите, задержалась.

– Я уж боялся, вы вообще не придете.

Он радостно улыбнулся. Надо же, столько времени терпеливо ждал и все еще рад!

– Вы тут без меня не скучали? – Обычно не люблю ханжить, но на что не пойдешь, скрывая свои маленькие хитрости.

– Стыдно сказать, но не успел. Фотограф ко мне прицепился. На редкость противный и наглый тип. – Он брезгливо поморщился. – Ладно бы просто снял меня и отвалил. Хотя зачем я ему понадобился, ума не приложу. Я не творец, не звезда и даже не спонсор.

– Кто же вы тогда? – улыбнулась я.

– Всего лишь скромный представитель спонсора, и отнюдь не на высшем уровне. Так вот, мало того, что он меня снял, ему еще за жизнь со мной поговорить приспичило. Еле отделался. Буквально перед вашим приходом.

– Ну и хорошо, значит, вас развлекали.

– Нет, ему явно что-то от меня было нужно. Загадочная история, – он никак не мог успокоиться. – Очень странный и даже подозрительный тип. Вы, Юленька, кстати, его не знаете?

– Тут несколько фотокорреспондентов, – прикинулась я дурочкой, одновременно радуясь, что Севка ему не понравился. Для меня это как положительная характеристика. Конечно, встречались и мерзкие типы, которых от Севы тоже тошнило, но ни одному из известных мне приличных представителей рода человеческого он точно не приходился по душе. – Вы мне его опишите, Роман, – попросила я.

Он на мгновение задумался:

– Ну знаете, такой высокий, тощий, на голове лысина, а на затылке хвост.

– Кажется, он то ли на «Жизнь», то ли на «Мир новостей» работает. Настоящий папарацци. Держитесь от него подальше. Обожает делать компрометирующие снимки, – сделав вид, будто едва вспоминаю «сердечного друга», я про себя мстительно добавила: «Получи, фашист, гранату!»

– На меня? Компромат? – совсем успокоился Роман. – Что я, шишка какая-нибудь? Я свободный, неженатый, высоких постов не занимаю... Чем меня можно скомпрометировать, особенно в таком публичном месте? По-моему, этот ваш папарацци меня с кем-то перепутал.

– Наверное, вы правы, – рассеянно откликнулась я, наматывая на ус информацию: свободный, неженатый... Великолепно! Еще хорошо бы понять: просто так об этом обмолвился или специально – для меня? Последний вариант, разумеется, предпочтительней. Впрочем, в любом случае я теперь знаю, что поле деятельности открыто. Насчет высоких постов, конечно, лучше бы занимал. А какой занимает? Полагаю, средний. Для низшего слишком хорошо выглядит. Гад Севка, пятнадцать минут неизвестно о чем с ним трепался, а самого главного не выяснил. Удивительно. И не похоже на него. А может, выяснил, но из вредности мне не сказал? Чтобы я помучилась. Ну, ничего. Сама узнаю. Главное, он меня дождался, не сбежал. Стало быть, интерес имеет место.

– Ну, Юля, теперь вы готовы? Уходим, пока нам кто-нибудь не помешал. А то, глядишь, еще один папарацци на горизонте объявится. Вы-то не боитесь, что вас скомпрометируют?

– Я тоже человек свободный. – Хорошо, когда удастся сообщить такое как бы невзначай!

Он ничего в ответ не сказал, но лицом отреагировал как надо. Неплохо для начала, неплохо.

Мы начали пробираться к выходу.

– И в какое же уютное место вы меня ведете? – уже на улице поинтересовалась я.

– Есть тут одно, – загадочно проговорил он. – Неподалеку.

Тот вечер, проведенный в маленьком и действительно уютном ресторанчике, и положил начало нашим отношениям. Сперва мы просто встречались, постепенно все больше узнавая друг о друге. Оба мы испытали некоторое разочарование, выяснив, что и он, и я не москвичи. Однако, с другой стороны, это нас и сблизило. Нам обоим приходилось бороться за место под неласковым московским солнцем.

Мы оба приехали сюда учиться. Роман – из Краснодара, я – из Тулы. И оба после защиты дипломов остались здесь. Смысла возвращаться домой мы не видели, ничего нас там не ждало. В Москве куда больше возможностей. Тут все росло, развивалось, все деньги стекались сюда.

Здесь клокотала жизнь, и шансы на успех казались безграничными. За пять лет учебы в Москве мы оба привыкли к столичной жизни, прикипели к ней и заболели, словно заразившись ритмом огромного мегаполиса размером с иное европейское государство. И оба почувствовали: пути назад нет. Отступление сродни поражению. Все что угодно, только не это. Как в старом, еще советском анекдоте, где попугай умоляет хозяина хоть тушкой, хоть чучелом, но увезти его на Запад. Наши желания были намного скромнее: остаться в Москве.

И мы остались. Нам удалось. Я продолжала работать в газете, куда устроилась еще студенткой. Потом мне вдвойне повезло. Уйдя из общежития, я нашла комнату, которую сдавала в своей квартире пожилая вдова одного недавно умершего классика советской литературы. Вдова сильно нуждалась и искала через знакомых надежного человека, такого, чтобы не обворовал, регулярно платил, при необходимости помогал по хозяйству и к тому же был приятным компаньоном. Дочка старушкиной подруги работала со мной в газете и, узнав, что мне требуется жилье, организовала нам встречу – к нашему взаимному удовольствию.

Если работа помогла мне найти жилье, то жилье, в свою очередь, очень помогло с работой. Вдова оказалась человеком чрезвычайно общительным, и в ее доме я познакомилась с множеством известных людей, которые меня просто так даже на порог не пустили бы. А так мне удалось взять интервью у нескольких знаменитостей, которые категорически отказывались встречаться с журналистами. Мои акции начали расти. А с ними выросли и должность, и зарплата. Вдова тоже души во мне не чаяла, и к лету я удостоилась чести быть вывезенной на ее личную дачу в Переделкино. Там круг моих знакомств еще больше расширился. Бедная, но гордая вдова держала в большом секрете, что я живу у нее за деньги, и выдавала меня за свою любимую двоюродную племянницу, тем самым стирая барьеры, которые иначе могли бы возникнуть между ее знаменитыми знакомыми и никому не известной молодой журналисткой.

Постепенно я сделалась чуть ли не ведущим журналистом в области культуры и искусства. Знакомство цеплялось за знакомство, один юбилей за другой или за торжество по поводу присуждения премии и так далее, и тому подобное. Иногда мне даже начинало казаться, будто я родилась в Москве. Я всех-всех знала, весь культурный «бомонд»! И все же я оставалась чужой. Когда умерла вдова, мне это сразу дали почувствовать. Квартира досталась в наследство ее настоящей племяннице, и та выставила меня на улицу даже не в двадцать четыре часа, а буквально в одночасье. Пока я собиралась, милая женщина не отходила от меня ни на шаг, следя, как бы я ненароком чего не присвоила. А ведь за те несколько лет, что я жила у вдовы, племянница ни разу ее не навестила. Батона хлеба не принесла! Зная притом, что квартира завещана ей!

– За последний месяц можешь не платить, – величественно объявила эта лахудра, и дверь за мной навсегда захлопнулась.

В общем-то, я и раньше не сомневалась, что в случае смерти вдовы мне придется покинуть ее квартиру. И о завещании, по которому все остается единственной родственнице, она сообщила мне чуть ли не с самого начала нашего знакомства. Но она ко мне так хорошо относилась, и жили мы с ней так дружно, и я столько ей помогала, что у меня где-то в глубине души затеплилась надежда: вдруг и мне что-нибудь достанется? Комната в квартире или кусочек дачи, или хотя бы антикварная ваза на память... Глупо, конечно. Но эта племянница с ней в родстве была только по документам. Они вообще не общались, даже почти никогда не перезванивались. Разве что по праздникам. А я... Ну да что говорить. Племянница была своя, а я чужая.

Со смертью вдовы я опять стала Москве чужой. Вновь замаячила проблема прописки. Однако у меня и мысли не возникало о возвращении в Тулу. Я уже окончательно чувствовала: мой дом здесь.

Глава 2

Я очень боялась, что со смертью вдовы и мой статус среди культурной элиты понизится. Но нет: меня продолжали считать дальней старушкиной родственницей, и многие мне сочувствовали. Надо же, столько лет о тете заботилась, а она отписала имущество неизвестно кому! Иные так осуждали вдову, что мне даже приходилось ее защищать. Мол, что вы, что вы, она для меня и так много сделала, а я ей седьмая вода на киселе... Ну да, признаю, насчет седьмой воды, конечно, привирала, правда, почти веря в собственную ложь. Теоретически она могла даже оказаться и не вполне ложью. Вдова однажды сама мне рассказывала, что до войны у нее какие-то очень дальние родственники жили в Туле, только фамилию их она забыла. А вдруг это как раз была какая-нибудь из моих бабушек? Словом, совесть моя по части дальнего родства с литературной вдовой оставалась почти чиста, а бедная старушка и после своей кончины продолжала мне помогать: я по-прежнему была вхожа всюду, куда мне требовалось. Меня воспринимали почти как свою, и это очень способствовало моему переходу в более солидную газету, с гораздо большей зарплатой.

С жильем тоже устроилось, мы сняли двухкомнатную квартиру на пару со знакомой журналисткой.

А потом произошла встреча с Романом...

Мы стали видеться почти каждый день. Он мне нравился. Не то чтобы «ах!», не был он тем, о ком я мечтала, героем моих девичьих снов и грез! Однако он в меня влюбился. Он меня хотел. Он не был жадным. Был вполне хорош собой. Словом, никого лучше за все эти годы мне так и не встретилось. Вскоре я переехала к нему. Так было проще, да и дешевле.

Сперва о женитьбе не шло и речи. Нас с Романом и так все устраивало. Он меня любил, а я позволяла себя любить, и нам обоим этого было достаточно. Так зачем себя связывать лишними обязательствами? Это совершенно не входило в мои планы, и я даже радовалась, что Роман не требует узаконить наши отношения. Видимо, подсознательно надеялась, что встречу кого-нибудь лучше, и пока довольствовалась тем, что есть. А Роман изо всех сил старался сделать меня счастливой. Даже общий быт нас не обременял. Если дома оказывалось нечего есть, мы шли в кафе или ресторан – оба уже достаточно зарабатывали и могли себе это позволить.

В квартире мы в основном только ночевали. Утром, едва позавтракав, бежали каждый на свою работу и вечера большей частью проводили вне дома. Светские тусовки (мне часто давали на них приглашения), клубы, театры, кино, выставки, посиделки у друзей – эта круговерть почти не прекращалась, и нам с Романом в ней было весело.

Так бы и шло дальше, не свались Роман с приступом аппендицита. Случай неожиданно оказался запущенный и серьезный. Врач, делавший операцию, сказал мне: «Еще какой-нибудь час, и, возможно, его бы уже ничто не спасло». Именно тогда я вдруг поняла, как Роман мне на самом деле дорог, и как я люблю его, и что жить без него не могу!

Я проводила у него в больнице все возможное время, которое могла выкроить. Пока он не выписался, места себе не находила, и только когда мы вместе вернулись домой, успокоилась.

Внезапно обрушившаяся болезнь потрясла не только меня, но и Романа, заставив его всерьез задуматься о нашем будущем.

– Юля, мне уже тридцать лет, – сказал он. – Я вот, пока в больнице лежал, все время об этом думал. Понимаешь, раньше как-то недосуг было. Жизнь себе шла и шла... А тут понял: неправильно мы с тобой живем. Ни кола ни двора. Случись что со мной, получится, будто ты вообще мне никто.

– Перестань! – оборвала его я. – Ничего с тобой не случится! Все самое страшное позади.

– Нет, Юлька, давай поженимся, – не уступал он.

Я пожала плечами:

– Со штампом в паспорте наша съемная квартира в собственную не превратится. Не говоря уж о том, что в Москве нас с тобой не распишут.

– Хорошо. – Он кивнул. – Тогда давай перво-наперво накопим на квартиру.

– И сколько нам потребуется времени?

– Не так уж и много, – бодро откликнулся он. – Честно сказать, у меня уже кое-что отложено. Примерно на треть однокомнатной. Если мы с завтрашнего дня урежем себя по части ресторанов и прочих увеселений и не поедем никуда в отпуск, думаю, через годик накопим.

– Ее еще надо будет обставить, – вмешалась я.

– Вот обставим – и свадьбу сыграем.

– На нее тоже деньги понадобятся, – опять напомнила я. – У нас столько знакомых!

– Мы что, обязаны их всех приглашать? – удивился он.

– Не обязаны, но мне хочется.

– Если так, накопим и на это. – Пошевелив безмолвно губами и что-то подсчитав, он добавил: – В общем, через два года, начиная с сегодняшнего дня, надеюсь сделать тебе официальное предложение.

Мы честно старались копить, но нам постоянно что-нибудь мешало. То хотелось куда-то пойти, то я начинала умирать по какой-нибудь вещи, и Роман говорил: «Раз нравится, покупай». Каждый раз я обещала, что в будущем месяце в наказание отложу в два раза больше, но, когда момент наставал, появлялся новый соблазн.

А потом тяжело заболела мама, ей требовалась срочная операция. Я привезла ее из Тулы к нам. Слава богу, мама выздоровела, но ее лечение отсрочило покупку квартиры по крайней мере на год, а цены на жилье тем временем продолжали стремительно расти.

– Надо было в ЖСК вступить, – запоздало сетовал Роман. – Внесли бы часть денег, и уже получили бы квартиру. А теперь у меня даже на вступительный взнос не хватает.

– Если бы ты тогда внес, маму лечить было бы не на что, – разозлилась я.

Роман вспыхнул:

– За кого ты меня принимаешь! На твою маму я занял бы. Это святое.

– А кто тебе сейчас мешает занять?

– Нет. Занимать можно только в крайнем случае.

– Разве у нас не крайний случай?

– Ну не вопрос ведь жизни и смерти. Сами накопим. Мне скоро повышение обещают.

Я лично уже повысилась. Моя солидная газета неожиданно закрылась, но мне повезло. За два месяца до прискорбного события я получила приглашение поработать в толстом глянце-вом журнале «Мисс Шик». Какое счастье, что сразу не отказалась! В сравнении с моей газе-той гляцевый журнал представлялся мне понижением статуса. Как ни крути, развлекательное чтение. Правда, зарплату там предлагали куда привлекательнее, чем в газете, однако не до такой степени, чтобы немедленно все бросить.

Им я, однако, ничего такого не сказала, наоборот, прикинулась, будто их предложение меня очень интересует, и попросила время на недолгое размышление. Кажется, это был один из самых умных поступков в моей жизни. Буквально на следующий день я совершенно случайно узнала, что нашу газету собираются прикрыть. Слух относился к числу совершенно непрове-ренных, однако, сопоставив кое-какие другие факты, я пришла к выводу, что он не беспоч-венный, и почла за лучшее не рисковать. Лучше гляцевая синица в руках, чем солидный журавль в небе! Не дожидаясь, пока слух о кончине нашего печатного органа разнесется по всей Москве, я, изобразив, естественно, что нехотя, быстро приняла предложение.

Мы с Романом продолжали копить, однако никак не могли добраться до финиша. Нас будто какой-то рок преследовал! А возможно, это мы искушали судьбу. Стоило Роману однажды вечером, потеряв руки, объявить мне: «Ну, Юлька, еще таких полгодика, и квартира, считай, у нас в кармане», – как случилось невероятное. Его машину переехал каток! Нам все

потом говорили, что так не бывает. У них, может, и не бывает, а у нас бывает! Машина Романа стояла себе спокойно на стоянке. Рядышком бригада рабочих укладывала асфальт. Что случилось с водителем катка, мы так и не смогли выяснить. То ли он замечтался, дивясь на московское голубое небо в погожий денек, то ли заснул, убаюканный неспешным ходом своей медлительной машины... Какая уж теперь разница. В данном случае важен, как говорится, не процесс, а результат: несчастный Ромин автомобиль оказался практически закатанным в асфальт. То есть что-то от него, конечно, осталось, но это не годилось даже на запчасти. Водитель вместе с катком, несмотря на тихоходность своего транспортного средства, скрылся с места происшествия со скоростью реактивного самолета. Другие рабочие к моменту приезда милиции тоже куда-то подевались, и оказалось, что никто, абсолютно никто не знает, какая организация меняла покрытие мостовой.

Оптимист Роман еще надеялся на страховую компанию, однако и они его отфутболили. Мол, это не страховой случай: «Вот если бы в вас врезался автомобиль... А каток не автомобиль, это строительная техника, действия которой выходят за рамки нашего с вами договора». Роман не сдавался. После долгих препирательств страховая компания со скрипом выплатила ему треть стоимости его почти новой «Альфы», а остальное нам пришлось добавить из накоплений на квартиру. Без машины Роман был как без рук.

Мы, конечно, пережили и это, но отношения наши постепенно стали портиться. Может, их подтачивало ожидание, которое мы сами себе устроили? Плюнуть бы, когда он вернулся тогда из больницы, на все, пожениться, а остальное приложилось бы. Или мы все равно расстались бы. Может быть, на каком-то этапе нашим дорожкам судьба была разойтись? Кто знает... Но факт остается фактом: мы все чаще ссорились и все больше времени проводили врозь. Дела, будь они прокляты! Или мы сами их придумывали, чтобы поменьше видеться?..

Однажды вечером Роман, сияя, сообщил мне сногшибательную новость: мы едем в Краснодар! Их компания только что построила там большой завод по производству соков, и ему предложили наладить производство!

– Юлька, ты понимаешь, что это для нас значит! – воскликнул он.

Я ничего не понимала и не хотела понимать. Я была в шоке.

– Это очень серьезное повышение, – не замечая моего состояния, продолжал он. – Меня и выбрали-то потому, что я сам из Краснодара и у меня до сих пор там связи. Одноклассник – вице-мэр! И других знакомых масса! Знаешь, сколько других претендентов на это место было. Но я-то там свой, а все остальные как москвичи пойдут. Начнется отторжение, а мне многие вопросы легче будет решать. Это и стало решающим фактором.

– Ты давно уже ни с кем из Краснодара не общаешься, – вяло заметила я, – и теперь тоже стал для них чужим.

– Ничего подобного! Я с ними перезваниваюсь. С праздниками поздравляю. А когда завод начинали строить, ездил туда в командировку, восстановил отношения. Ты что, не помнишь?

Я смутно припоминала, но какое мне было до этого дело? Роман тем временем в полном восторге продолжал:

– Про зарплату вообще не говорю: сразу в два раза увеличивают. К тому же дают казенную квартиру совершенно для нас с тобой бесплатно. Машину. Постоянный номер в пансионате под Краснодаром, считай, как дача. Лечение и прочее – само собой. Но главное – перспектива. И на месте есть варианты, а если не захочу, через три-четыре года вернусь в Москву. Понятно, не на прежнее место, а топ-менеджером. Ну, как тебе? Скажи, что я молодец!

В ответ мне удалось выдавить из себя лишь одно:

– А мне-то что делать в Краснодаре?

Стоило ли столько лет биться за Москву, чтобы ее снова покинуть.

– Можешь вообще ничего не делать! – радостно откликнулся он. – Спокойно рожай детей. Денег на всех хватит. Ты что, не понимаешь? Здесь мы с тобой никто, а там сразу станем большими людьми.

– Ага, – мрачно буркнула я. – В деревне.

Он возмутился:

– Хороша деревня! Краснодар – огромный современный город! Не сравнить с твоей Тулой.

– При чем тут Тула? Я там достаточно нажилась. И хочу жить в Москве. Понимаешь, в Москве, а не в Туле или в Краснодаре. Ни царицей, ни королевой, никем! Предпочитаю оставаться обычным человеком здесь. И просто женой быть не хочу.

– Юля, там тоже есть какая-то пресса.

– Какая-то меня не устраивает, – все сильнее распалялась я. – И местные краснодарские новости мне освещать неинтересно. Мне казалось, мы понимаем друг друга и ты тоже хочешь жить в Москве.

– Хочу! Но хорошо жить! Впрочем, то, что мне предлагают в Краснодаре, меня тоже очень даже устраивает. Второго такого шанса мне может не выпасть, и упускать его я не собираюсь.

– А обо мне ты подумал? – взвилась я. – У меня, может, тоже шанс есть. Место зам. главного в журнале освободилось. Ушла наша прежняя замша.

– Тебе его уже предложили? – Он насторожился.

– Еще нет, но я почти наверняка его получу.

– Раз так, еще неизвестно, чем кончится. А то, что я тебе предлагаю, гораздо больше и серьезнее. Мы там начнем новую, хорошо обеспеченную жизнь. Сама ведь постоянно твердишь, что твоя «Мисс Шик» – это чтиво.

– Гламурное чтиво, – упрямо поправила я.

Он отмахнулся:

– Какая разница! Дело в том, что это туфта. А я тебя зову в реальную жизнь. Подобных журналов еще сотня будет. Они как грибы плодятся. Вернемся в Москву, уж как-нибудь тебя устроим в приличное место.

– К тому времени я уже стану старая и обо мне забудут.

– А ты не думала, что скоро для замужества и рождения детей станешь старая?

Я просто задохнулась. Слезы брызнули у меня из глаз.

– Ты на что намекаешь?

– Ни на что, кроме того, что хочу на тебе жениться и жить вместе с тобой в Краснодаре.

Я молчала. Слов не было. Бросить все, чего с таким трудом добилась, – работу, друзей, веселую тусовку?

Забывать о ритме столичной жизни? Невыносимо и невозможно. Выйти замуж за Романа мне по-прежнему хотелось, но только в Москве. Нужно во что бы то ни стало убедить его, что Краснодар – не единственный шанс для роста.

Я-то, наивная дура, полагала, будто он со мной советуется! А он, оказывается, уже все решил и дал согласие.

– Не хочешь, оставайся, – наконец объявил он. – Я все равно поеду. А тебе оставлю возможность подумать. Захочешь – приезжай! Только советую не тянуть с решением.

– Я никуда не поеду. – А что еще мне оставалось ответить в такой ситуации?

Несколько дней мы с Романом не разговаривали. И вот, явившись с работы, я обнаружила на столе ключи и эту самую записку.

Сперва я расстроилась, параллельно, впрочем, несколько утешившись тем, что на целый год обеспечена халявным жильем. Утешалась я, правда, недолго. До того самого момента, когда

мне понадобилось снять небольшую сумму с нашего общего счета, на котором мы с Романом держали свои накопления. Счет оказался пуст. Я в бешенстве принялась звонить в Краснодар.

– Где наши деньги?

– Наши? – удивленно переспросил он. – Какие наши? Мы с тобой расстались. По твоей же, напомню, инициативе.

– Не прикидывайся идиотом! – Я была до того возмущена и зла, что голос меня едва слушался. – Наши общие деньги, которые мы с тобой вместе копили на квартиру!

Роман воспринял мои вопли с олимпийским спокойствием.

– Я подсчитал, сколько ты вносила, а сколько я. Сколько из общей суммы нам пришлось потратить на тебя, на твою маму, на мою машину. Я все тщательно сложил, вычел, разделил, и как раз вышло: твоей части хватает ровно на то, чтобы оплатить за год квартиру. Остальное в чистом виде мое.

– Откуда ты помнишь, кто из нас сколько вносил?! – продолжала бушевать я.

– А я с самого начала записывал.

На мгновение у меня пропал дар речи. Я с ним жила пять лет, а он, оказывается, все записывал. Все мои дебет и кредиты! Кошмар и ужас! Хорошо еще, я ему не докладывала точный размер своих заработков, всегда немного занижала. Раза так в полтора. Тем более журналистика – дело тонкое. Один месяц только на зарплату живешь. А другой – то гонорар в каком-нибудь дружественном органе схватишь, то в конвертике от кого-то получишь в целях повышения заинтересованности темой, то еще что-нибудь симпатичное обломится. Роману о подобных тонкостях моего ремесла знать было совершенно необязательно. Ему, так сказать, все равно, а мне лишняя кофточка или сапоги из бутика. Должна же я соответствовать уровню своего гламурного журнала. Да что я, в конце концов, словно оправдываюсь. Я его соки тоже не контролировала. Крупно подозреваю, мой бывший тоже не все свои премии домой доносил. Они там, у себя, периодически устраивали мальчишники. Нет, не очень часто. Но бывало. О, разумеется, это происходило только в интересах дела. Для укрепления отношений с партнерами и внутри коллектива. Я ведь не возражала. Мужикам иногда надо отдохнуть, расслабиться.

– Ну, предположим, ты записывал, предположим, моя доля и впрямь оказалась настолько мала. Но почему ты мне ее не оставил, а вместо этого, не спросив ни слова, заплатил за квартиру? С чего ты взял, что я захочу в ней остаться? Может, я предпочла бы снять теперь что-нибудь подешевле?

Меня трясло от ненависти к нему. Я думала, он мужик, а он оказался банальным скрягой. Я целых пять лет жила с... калькулятором!

– Извини, я как-то не подумал. – Голос его по-прежнему звучал подчеркнуто вежливо и спокойно, словно ему уже было на меня наплевать. – Мне казалось, тебе эта квартира нравится. Ну, хорошо. Я ошибся и потому готов вернуть тебе половину суммы. Считай, что можешь жить целый год за половину стоимости.

Невероятная щедрость и самопожертвование! Нет, но куда же я раньше смотрела? Он ведь, наверное, всегда был таким. Почему же не замечала? Или не хотела замечать?

– А если я захочу получить свою долю полностью?

– А смысл? – хмыкнул он. – За квартиру я уже все равно заплатил. Жить сам в ней не смогу, а ты за такую сумму ничего приличного наверняка не снимешь.

В логике ему не откажешь!

– А если я не согласна с твоей калькуляцией?

– Не нравится – подавай в суд, – опять хмыкнул он. – Только что ты к заявлению подходишь?

– Пошел ты к черту! – только и оставалось выкрикнуть мне.

Самое обидное, что последнее слово осталось за ним. Прежде чем я кинула трубку, он успел сказать:

– Завтра же переведу твои деньги.

Вот сволочь! Что же это делается с нынешними мужиками? Ведь еще неделю назад звал меня с собой, умолял, в вечной любви клялся, а теперь счета выставляет. Копейки, мною потраченные, подсчитывает. Подумать только, он эти пять лет на меня финансовое досье вел! Единственное утешение, что я сама его бросила. Но все равно, как противно! До чего же низко. Раньше мужик, если любимая женщина его оставляла, долго страдал, мучился, умолял вернуться, уговаривал, добивался...

Тут меня осенила совершенно неожиданная догадка. Вдруг Роман и не собирался брать меня с собой? Тоже заранее скалькулировал. Не сомневался, что я из Москвы уехать не соглашусь, потому так спокойно и предложил, сам для себя уже все решив и согласившись на новую должность. Да если рассудить, он меня и не особенно долго уговаривал. Скорее для проформы. А как только я отказалась, поспешил смыться. Может, вообще не один? Я тут, наивная, утешаю себя, будто сама его бросила, а он там, в своем Краснодаре, уже с кем-то гнездышко вьет. Ну, конечно! Потому и согласился туда ехать. Решил все проблемы разом. И в должности повысился, и от меня отделался. Гад! Сволочь! Негодяй!

Мне так себя стало жалко, что я рухнула на диван и проплакала часа полтора. Придя в себя, я позвонила Милке – единственному человеку на свете, с которым могла поделиться своим горем, не потеряв при этом лица.

Мила Шепитько – моя единственная близкая подруга еще с институтских времен. Почему мы с ней подружились и до сих пор дружим – большая загадка. Более разных людей, пожалуй, и не сыскать. Мила – тихая, спокойная девушка из московской интеллигентной семьи, а я... Со мной, полагаю, все ясно.

Однако недаром ведь говорят, что противоположности притягиваются. Вот и нас с Милой притянуло. И если моя выгода в этой дружбе была очевидна с самого начала (Мила мне и в Москве помогала освоиться, и даже подкармливала первые годы, не она лично, конечно, а ее мама и бабушка), то какая выгода была Миле от меня – ума не приложу. Разве что я намного нахальнее ее. Обычно ведь как получалось. Миле говорили «нет», и она дисциплинированно поворачивалась и уходила. Я же, закаленная самостоятельной жизнью, не принимала ответа «нет» и тут же бросалась качать права. Иногда номер не проходил, но чаще мои старания увенчивались успехом. Так мы с ней и бесплатные путевки в институте получали, и экзамен один с четверки на пятерку ухитрились пересдать. А потом, когда накрылась первая Милкина работа в журнале «Кабинет», который просуществовал всего три месяца, я, выдав себя за ее сестру, выбила причитающиеся ей деньги, которые, естественно, собирались зажить. Журнал-то работал на черном нале, поди докажи что-нибудь. Но я справилась. И мы с Милкой славненько эти денежки потом прокутили. Конечно, не полностью, но большую часть. Милка все равно уже на них не рассчитывала и восприняла как подарок.

А потом, до недавнего времени, если мы вместе и кутили, то по большей части на мои. Правда, Милка, в отличие от меня, кутить и тусоваться особенно и не любит. Да и я больше люблю вести с ней душевные разговоры на ее кухне. Тусоваться-то можно практически с кем угодно, а вот душу могу открыть только Милке. Остальных туда только пусти. Тут же с удовольствием наплюют, изваляют в перьях и выставят на всеобщее обозрение. Знаем. Проходили. Больше не хочется. А Милка всегда внимательно выслушает, посочувствует, и даже когда она не сможет ничего дельного присоветовать, мне все равно становится легче. Такая вот «милотерапия».

К счастью, подруга моя оказалась дома. Всю предыдущую неделю мне никак не удавалось ее поймать. Она записывала блок своих кулинарных телевизионных передач «Ложка-поварешка». Услышав ее голос, я хотела сказать, что надо бы встретиться, но вместо этого снова

зарыдала. А мне-то казалось, что все уже выплакала. Как бы не так! Я захлебывалась, икала в трубку и никак не могла остановиться.

Мила перепугалась.

– Юля! Юля! Объясни, что случилось? С тобой? С Романом? Куда мне приехать?

– Тебе не... не надо, – сквозь всхлипы с трудом проговорила я. – Сейчас приеду сама и все расскажу. Роман оказался жуткой сволочью.

– Он тебя бросил? – охнула Милка.

– Нет, все гораздо хуже, – ответила я. – Жди.

Глава 3

Как я по дороге во что-нибудь не врезалась, просто не знаю. Вела машину на автопилоте – ничего не соображая и мало что видя. Глаза застилали слезы. Кажется, я с раннего детства так не плакала. Видимо, поэтому у меня и накопился такой запас слез. Они лились без остановки и прекратились лишь в тот момент, когда, наконец благополучно покинув машину, я упала в Милкины объятия. Как будто внутри меня слесарь перекрыл кран.

– Ну? Что случилось? Рассказывай, – Милка усадила меня на диван в гостиной. – Чай будешь? Или тебе что-нибудь покрепче?

– Покрепче не надо. Я за рулем. А чаю давай.

Во рту было сухо, в горле першило. Видимо, все со слезами вышло. Милкину квартиру окутывала тишина. Домочадцы отсутствовали. И слава богу: не хватало еще им все объяснять. Нет, в нормальном состоянии я против них ничего не имею, однако сейчас мне была нужна одна только Мила.

Она принесла чай, а к нему – огромный пирог со сложной курино-овощной начинкой – результат тренировки перед записью следующего блока передач. Ловко разрезав свой кулинарный шедевр, она положила мне на тарелку здоровенный кусок, налила чаю и приготовилась слушать. Мне казалось, что в таком состоянии кусок в горло не полезет, однако подруга моя, видать, знала лучше. Я отхлебнула чаю и не успела еще начать свою печальную историю, как с удивлением обнаружила, что кусок с моей тарелки исчез. Поймав мой взгляд, Милка положила мне новый, который я уже вполне осознанно и с аппетитом съела. Милка снова изобразила скатерть-самобранку, и на тарелке возник третий кусок, однако я решила сделать паузу и начала рассказывать.

Мила слушала не перебивая. Она умеет доверительно и выразительно молчать. Вроде бы ни слова не произносит, а понимаешь: сочувствует и разделяет.

Меня прорвало: я говорила, говорила и не могла остановиться.

– Мила, ты понимаешь, я, оказывается, столько лет жила с человеком, которого совершенно не знала. Мне казалось, что он такой, а получается – совсем другой. Если бы я знала, какой он, нипочем не согласилась бы с ним вместе жить.

– Но ведь согласилась, – сказала она.

– Потому что он другим прикидывался. А может, и не прикидывался. Просто я сама его по-иному видела. Верней, не желала видеть в нем то, что меня не устраивало. Нет, ты понимаешь, этот гад так все подстроил, что вышло, будто я сама всего себя лишила. А он вроде как ни при чем. Он хороший. Честный. Всей душой ко мне. Звал вместе ехать на край света.

– Краснодар – не край света, – тихо заметила Мила. – И жить он с тобой там собирался, кажется, не в шалаше.

– Для кого не край, а для меня – край, – с трудом проговорила я: кусок пирога каким-то предательским образом снова оказался у меня во рту. – И вообще, мы с ним так не договаривались. Мы планировали нашу будущую жизнь в Москве, и выходить за него замуж я тоже собиралась в Москве.

– Юлька, ты не сердись. Я тебя, в общем, понимаю.

– Нет, ты мне честно скажи, – продолжала я. – Вот если бы твоему Косте предложили место главврача какой-нибудь элитной клиники, но не в Москве, а, например, на Чукотке, ты бы бросила все и поехала?

Милка думала недолго:

– Если бы ему это было интересно и важно, поехала бы.

– И все бросила бы? – изумилась я. – Свою передачу на телевидении, жизнь, к которой привыкла? Детей из хорошей школы забрала бы?

– Насчет детей вопрос сложнее, – заколебалась Милка. – Но, наверное, и там что-нибудь приличное для них нашлось бы. А передачу мне как раз совсем не жалко. Я к ней еще не особенно привыкла. Кстати, и взялась-то за нее только из-за детей, потому что заработок приличный. А так, может, и отказалась бы. Очень тяжело блоками записываться. Вся неделя на нервах. А когда я нервная, Костя тоже нервничает, и дети. Весь привычный график жизни нарушается.

– Милка, но это ведь твоя собственная передача! Люди мечтают об этом. Добиваются изо всех сил. Ты же благодаря своей «Ложке-поварешке» стала такой известной!

Она пожала плечами:

– И какая от этого радость? Одни неудобства. В магазин теперь не могу спокойно выйти. Узнают, пальцами тыкают или смотрят, что я покупаю. Ужасно неприятно. Да, если бы Костя нормально зарабатывал, бросила бы к черту!

– Не бросила бы! Не верю!

– Верь не верь, но я-то себя лучше знаю. Меня вполне устраивала моя прежняя жизнь: дом, семья, спокойная работа на радио. А сейчас столько лишней суеты! Она меня раздражает. Некоторые любят находиться в центре внимания, а мне не нравится. Мне мои передачи на радио были гораздо ближе. Такие уютные, домашние. И «Скатерть-самобранка», и «Бабушкины сказки».

– Чем, собственно, «Скатерть-самобранка» отличается от «Ложки-поварешки», за исключением того, что тебя в ней видно?

– Именно этим и отличается. В «Скатерти-самобранке» я должна все цвета, вкусы и запахи передавать голосом, интонациями.

Я усмехнулась:

– Наше телевидение, по-моему, тоже пока запахов и вкусов не научилось передавать.

– Разве в этом дело, – Мила совершенно по-детски надула губы. – Там эта шаблонная хай-тек-кухня, шаблонные улыбки, шаблонный сценарий. Все такое холодное, картонное, обезличенное, даже еда, которую я готовлю.

– Ну, не знаю. Пирог очень даже личностный получился, с ярко выраженным характером.

– Что, живот заболел? – встревожилась Мила. – Может, не допекла?

– Наоборот, очень вкусно. И успокаивает.

– Значит, не зря старалась, – облегченно выдохнула она. – И все равно, мне моя прошлая жизнь и работа нравились больше. А самое страшное, я боюсь к этой новой жизни привыкнуть.

Вот этого я уж и вовсе не понимала.

– Почему?

– Потому что если я в результате привыкну и войду во вкус, а передачу закроют... Сама знаешь, как у нас на телевидении. Сегодня она есть, а завтра ее ликвидировали и о тебе все забыли. Представляешь, как трудно будет назад возвращаться?

– Тебя слушаешь, лучше вообще ничего в жизни не начинать, потому что все когда-нибудь кончается. По-моему, это неправильная позиция. Ты должна расценивать эту передачу совсем с другой точки зрения. Считай, что это первая ступенька лестницы, которая поведет тебя вверх.

– Юлька, не надо мне вверх! Мне и здесь хорошо.

– Опять не верю. Было бы хорошо, ты бы сразу от телевидения отказалась, даже попробовать бы не стала. Но ты ведь согласилась, значит, тебя что-то не устраивало и хотелось большего. И совершенно правильно поступила. Свое радио ты давно переросла.

– Наверное, ты в чем-то права, – неуверенно произнесла она.

– Абсолютно права, – заверила я и только тут спохватилась: я ведь приехала к Милке поплакаться по поводу своей загубленной молодости и личной жизни, а вместо этого ем ее пирог и разбираю ее проблемы. Как же так?

В ответ на мой невысказанный вопрос Мила улыбнулась, и на ее пухлых щеках появились две ямочки:

– Да это я просто тебя отвлекаю. Ведь легче стало?

– Легче, – признала я. Но это от пирога. Знаешь, я тебе для него название придумала: «Утешение для разбитых сердец».

– Замечательно! – воскликнула Мила. – Так мы его в передаче и назовем.

– Ты-то назовешь, а мне что теперь делать?

– Что делать? – посмотрела на меня Мила. – Жить дальше и радоваться тому, что у тебя есть.

– Ничего у меня теперь нету! – Я опять ощутила себя покинутой и несчастной. – Он же подло меня обманул! Я на него угрохала пять лет своей жизни. Между прочим, уже и не очень молодой.

– Ты ради Романа чем-то пожертвовала?

– Да вроде нет, – вынуждена была признать я.

– Вот именно. По-моему, эти пять лет тебя все устраивало. Ты даже замуж за него не особо торопилась.

– Не торопилась, но собиралась, когда остальное устроится, – уточнила я.

– Так оно, в общем, и устроилось. Но именно тут ты и отказалась связать с ним жизнь. Значит, Роман для тебя не самое главное в жизни.

Я обиделась.

– К тебе пришли за сочувствием, а ты мораль читаешь.

– Вовсе нет, – улыбнулась Мила. – Просто стараюсь снять гнет с твоей души.

– Да ты же, наоборот, не снимаешь, а взваливаешь. Мол, сама во всем виновата.

– Опять ничего не поняла, – Мила вздохнула. – Ты ни в чем не виновата. Просто жизнь с Романом тебя устраивала только при определенных условиях.

– Не делай из меня меркантильного монстра! Я ведь его любила.

– Может, и правда любила, – без особой убежденности отозвалась она. – Но не настолько, чтобы уехать с ним.

– А почему все должны быть женами декабристов? Если любишь, то обязательно в Сибирь. А если не согласна – значит, не любишь. А может, это он недостаточно меня любил, чтобы здесь всего добиться?

– Во-первых, вероятно, тут он не мог добиться того, что ему предложили там, – ответила подруга. – А во-вторых, и это, наверное, главное, – скорее всего, ваши отношения просто себя исчерпали. Не одно, так другое привело бы к тому же результату. Просто его назначение стало для вас катализатором.

– И он, воспользовавшись предлогом, отнял у меня все! Слушай, Милка, а как ты думаешь, он один туда уехал?

У нее глаза вылезли на лоб:

– Другая женщина?

– Ну, если следовать твоей логике и наши отношения уже изживали себя, а, как говорится, со стороны виднее, то вдруг он раньше меня это почувствовал и подстраховался? Если так, я ему никогда не прощу!

– Какая теперь-то разница, раз ты ему всего остального простить не можешь, – удивилась Мила.

– Очень даже большая! – горячо возразила я. – Отъезд я, может, ему когда-нибудь и прощу, особенно если у меня все наладится. А вот другую бабу... – У меня перехватило дыхание. – Да никогда!

– Знаешь, мне кажется, Роману от твоих прощений уже ни жарко ни холодно.

– Это мы еще поглядим! – совсем разошлась я. – Еще как жарко будет! Уж я постараюсь! – У меня вдруг возникла идея, и я заговорщицки продолжила: – Слушай, Милка, а ты не могла бы сподвигнуть своего Костю под каким-нибудь предлогом позвонить в Краснодар и выяснить, один он там или нет?

– И не подумаю! – замахала руками Милка. – Костю моего не знаешь? Никогда не согласится. Не говоря уж о том, что в подобных деликатных делах он ведет себя как слон в посудной лавке. И вообще, что ты суетишься? Если Роман там не один, Славикова Ирка тебе первой сообщит. Она такая «добрая»... Нипочем не упустит случая позлорадствовать.

– Именно потому я и хочу быть во всеоружии. Осведомлен – значит вооружен. А потом, если он уехал один, все станут думать, что это временно и мы еще воссоединимся, когда я свои дела доделаю. А если он с бабой отбыл, совсем другое дело. Считай, меня бросил.

– Ну да, – покивала Мила. – Вопрос статуса.

– Вопрос потери лица, – уточнила я. – Мало мне счетов, которые он выставил, так еще обманутой и брошенной оказаться. Одно дело, если я знаю об этом, и совсем другое, если мне подобную новость в виде сюрприза преподнесут. Согласись, совершенно разное удовольствие. Милка, – проканючила я. – Ну уговори, пожалуйста, как-нибудь Костю. Один-единственный раз прошу. Сама ведь понимаешь, как важно.

– Нет, Костя исключается, – категоричнее прежнего повторила она.

– Тогда сама позвони. Ты ведь у меня единственный близкий человек. Больше некого попросить.

– И как ты себе представляешь? Я позвоню и что ему скажу?

– Придумай какую-нибудь историю. Мол, знаешь, что он уже в Краснодаре, а тебе позарез оттуда что-то надо. А обратиться больше не к кому.

– И что мне до такого зареза может понадобиться в Краснодаре? – растерялась Милка. – Я теперь вся только в кулинарных рецептах! Мозги скоро от них отсохнут! – с досадой добавила она.

– Вот и придумали. Чего далеко ходить? Тебе срочно нужен краснодарский кулинарный рецепт. Милка, это ведь замечательно! – все сильнее вдохновлялась я. – Роман в кулинарии полный профан. То есть, если у него там баба, немедленно переадресует вопрос ей, и мы установим факт ее существования.

– А если она москвичка и краснодарских рецептов не знает? – засомневалась Мила.

– Плевать, он так и эдак у нее спросит, – я уже была уверена. – Пусть она даже не сможет ничего путного ответить: нам же с тобой на самом деле не рецепт нужен.

Мила покачала головой:

– Юлька, так прямолинейно нельзя. Он ведь мигом просечет, в чем дело. И ему станет ясно, что ты его выслеживаешь. Тебе этого хочется? Я бы на твоём месте не унижалась.

Я с досадой пробормотала:

– Выходит, как ни крути, все плохо.

– Может, тебе просто на него плюнуть и забыть, – вдруг сказала Мила. – Переведи свою энергию из разрушительного русла в созидательное. Найди кого-нибудь другого.

– Я тебя не узнаю. – Ее слова и впрямь ошеломили меня. – И это говоришь ты, которая всегда выступала за постоянство в отношениях, а меня упрекала за ветреность.

– Разбитую чашку не склеишь, – ничуть не смутилась она. – А она у вас разбилась. И в тебе сейчас говорит не любовь, а уязвленное самолюбие. Если бы ты Романа хотела вернуть. Но ведь нет. Ты хочешь вернуть свой «статус».

Милка, моя тихая, деликатная домашняя подруга бросила мне правду-матку в лицо. Но я стерпела: как ни горько это признать, она была права. Меня ведь и вправду подкосил не сам уход Романа, а то, что теперь придется заново выстраивать свою жизнь.

В прихожей хлопнула дверь. Послышались возбужденные детские голоса и отчаянный возглас бабушки:

– Осторожно! С ног меня собьете!

Милено лицо просветлело:

– Ребята из школы пришли. Сейчас их кормить буду.

Намек поняла: мое время кончилось. Больше нам сегодня по душам не поговорить. Не успела я об этом подумать, десятилетняя Даша и двенадцатилетний Дима влетели в кухню.

– Ура! У нас тетя Юля! – проорал Дима, скидывая на пол мокрый ранец.

– А мы под дождь попали! – радостно подхватила Даша.

– Бабушка второй зонтик забыла, и теперь у меня голова вся мокрая, – наябедничал Дима.

Насчет головы он сильно поскромничал. Дима был мокрым с головы до ног, и с него капало на пол. Даша, наоборот, каким-то чудом умудрилась остаться совершенно сухой.

Мила охнула и тут же отправила сына в ванную принимать теплый душ. У меня защемило сердце. Может, я действительно дура? Поехала бы с Романом в Краснодар, засела бы там дома, научилась бы у Милы варить вкусные борщи и печь пироги. Нарожала бы таких же замечательных детей и была бы счастлива. Вон как Милка вся светится...

А вдруг не была бы? Все-таки я не Милка. Озверела бы от постоянного сидения дома, детей, хозяйства, устраивала бы для разминки по вечерам истерики Роману. А кому еще? С кем мне там, кроме него, общаться? Никого ведь не знаю. Местное дамское общество меня наверняка бы не приняло: во-первых, чужая, а во-вторых, москвичка. А Милка осталась бы далеко. Нет, правильно, что не поехала. Хотя, конечно, ужасно хочется и дом свой иметь, и деток. Я вдруг словно наяву почувствовала на руках тяжесть пухлого розового младенца! Дима и Даша такими были. Особой пухлостью отличалась Даша, щеки из-за спины виднелись. И куда все подевалось? Теперь она типичный цыпленок-подросток. Одни худые длинные ноги. Хотя для девочки это хорошо. Ох, ну почему же у меня ничего не складывается?

Тогда я еще не знала, что несколько дней спустя меня ожидает второй удар. Все выходило точно по поговорке: беда не приходит одна. Мы как раз сдали очередной номер, где у меня шло большое интервью с одним очень модным отечественным писателем – автором исторических детективов. Мне стоило огромных трудов встретиться с ним. Последние полгода он категорически отказывался от общения с прессой, хотя раньше делал это по три раза на дню. Не говоря уж о том, что я точно знала: пару лет назад он за публикации о себе даже приплачивал. Впрочем, обет молчания, как мне объяснили, был тоже рекламным ходом.

Но мне повезло. Приближался момент выхода на экраны фильма по роману этого автора, и он посчитал, что обет молчания пора нарушить. И, главное, я получила «право первой ночи», вернее, слова. Он был бы не он, если бы не выжал максимум возможного из интереса нашего журнала. Нет чтобы устроиться со мной где-нибудь на диванчике и по-быстрому ответить на вопросы. Но разве у гениев бывает свободное время! Возможность для общения со мной у него нашлась только во время двухдневного путешествия в Венецию. Причем журналу пришлось оплатить дорогу туда и обратно (правда, не только для него, но и для меня!) и проживание в пятизвездочном отеле (корифей отечественного исторического детектива страдал хронической бессонницей и в путешествиях мог заснуть на пару часов только в по-настоящему комфортабельных номерах). Зато мы связались с фотографом из итальянской версии «Мисс Шик», и он дополнил мой текст замечательным фоторепортажем о нас в Венеции. Мы с классиком на площади Святого Марка, и на наших плечах сидят голуби. (Еле уговорила этого зануду – писателя, конечно, а не фотографа: ко всем прочим прелестям у него оказалась еще и аллергия на птиц. Но чего не сделаешь ради популярности!) Мы в гондоле (классик, стремясь наиболее выгодным образом попасть в кадр, едва не спихнул меня в воду). Мы в магазине масок (там обошлось без происшествий). Он впал в полный восторг и приобрел чуть ли не десять штук –

для подарков. Мне, впрочем, не подарил, а я за свои кровные покупать не решилась, сэкономила на более насущное. В общем, интервью стало «Мисс Шик» в копеечку. Зато первое после молчания, и все меня поздравляли. Я чувствовала: должность зам. главного у меня в кармане!

Как бы не так. Раскатала губы! Рабочая лошадка вечно останется рабочей лошадкой, сладких пряников на всех не хватает. Через два дня после успешной сдачи номера меня срочно вызвали к нашей главной. Я удивилась: у меня был нерабочий день; по телефону мне толком ничего не объяснили... Но надо так надо. Я поехала.

Когда я пришла, все уже сидели в кабинете Анастасии.

– Что случилось-то? – подсев к столу, шепотом осведомилась я у ближайшей соседки.

– Кажется, представляют нового зама, – тоже шепотом отозвалась она.

Хороший сюрприз! Со мной никто еще об этом не говорил. Но вообще-то странно. Человека не представляют коллективу до того, как подпишут с ним контракт. Неужели взяли кого-то другого? Не может быть. Наша главная мне прямо намекала, что я – единственный реальный претендент. И что же случилось?

Я попыталась поймать взгляд Анастасии, однако ее глаза упорно избегали моих. У меня кошки заскреблись на душе. Главная не только отказывалась встречаться со мной взглядом, но еще и сильно нервничала. У нее была такая привычка – на нервной почве крутить широкий золотой браслет. Талисман, который она всегда носила.

Дверь кабинета распахнулась. В нее впорхнула молоденькая девчушка. Что еще за соплинка? Я пригляделась. Девчушка с ног до головы была одета из магазина «Подиум». Недешевая соплинка, прикинула я.

У двери она не задержалась, а уверенным шагом прошествовала к Анастасии и, пожав ей руку, уселась рядом. У Анастасии при этом был такой вид, будто к нам пожаловал сам президент.

Я ошиблась лишь слегка. Соплинка оказалась дочкой совладельца нашего холдинга и одновременно новым заместителем Анастасии. Плакало мое теплое местечко. Оно оказалось гораздо нужнее девчонке, которая в этом году только оканчивала институт! Мой возмущенный разум кипел. Зачем, ну зачем ей это место, к которому я шла десять лет и за которое столько страдала и боролась? Мне оно нужно для жизни, а у нее-то и так все есть. Почему она должна была перейти мне дорогу? Она тут поиграет, поразвлекается, а я буду за нее работать! Ей зарплата пойдет на булавки, а я по-прежнему останусь без квартиры! Но ведь дочурка окончила институт, надо же ее куда-то пристроить! Ах, вечный Грибоедов: ну, как не порадовать родному человечку! Разумеется, дочке такого папы не пристало хотя бы поначалу поработать простым редактором или корреспондентом. Удивительно, как это юное дарование в желтых туфельках от Jimmy Choo вообще сразу главной не сделали! Поскромничал папа, ах, поскромничал! Ну, ничего. Полгодика помучается девочка в заместителях, диплом защитит, опыта наберется и, если войдет во вкус, Анастасии придется уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.